

Часть третья

Культура среди жестокости и утеснений

Глава 1

Надежда среди жестокости и бескультурья

О жестокости армии России

В войне России против Украины поражают два обстоятельства.

Во-первых, как уже описано в главе 1 предыдущей части, очевидно совершенное отсутствие актуальной причины предпринятого вторжения. Взамен причины произносятся невнятные обвинительные эвфемизмы, а настоящие причины упоминаются лишь глухо, иносказаниями вроде «мы же один народ».

Во-вторых, поражают вполне достоверные сообщения о едва ли не преднамеренной жестокости армии России по отношению к разрушааемым городам, к объектам электроэнергетики и к населению на оккупированных территориях. Всё это вызывает глубочайшее сочув-

ствие народу Украины и беспокойство за судьбу народа России. Мало того, возникает потребность, приглушив эмоции, разобраться по мере сил в причинах происходящей катастрофы, а они, по-видимому, связаны с основами отношения россиян к себе и к окружающему миру.

Слышал о косвенном оправдании этой жестокости событиями второй мировой войны, в ходе которой англо-американцы разрушили бомбардировками целый ряд больших городов Германии, а армия СССР грабила жителей Германии, вагонами вывозила «трофеи» и широко насилилась женщин. Однако, осуждая ту жестокость, нельзя всё-таки отвлечься и от отличий. Та война была тотальной, и она была навязана как тотальная и крайне бесчеловечная именно Германией. Англо-американские бомбёжки имели целью ослабить немецкое сопротивление и тем самым сохранить много жизней в армиях союзников; и эта цель была достигнута. Бесчинства армии СССР в какой-то мере объяснимы потребностью отомстить немцам за немыслимые их злодеяния на до этого оккупированных ими территориях СССР и восточной Европы.

А жестокость теперешней армии России, ведущей тотальную войну на уничтожение, не спровоцирована ничем, кроме, разве, собственной российской пропаганды, и остаётся предположить, что российскому сознанию и, отсюда, армии России присуща органическая жестокость.

Однако сказанного недостаточно, и требуется дополнительное обсуждение.

Культура и опыт жизни

Люди, как и все существа получают с рождением массу наследственных потребностей и умений, затем обучаются родители, и, наконец, всё это ещё дополняется опытом жизни – создаётся образ окружающего мира и формируется характер.

Опыт жизни, накладываясь на наследственные навыки и на воспитание-обучение, определяет разнообразие характеров и поведений. (Замечено, например, что условия существования и дрессировка могут создать из собак одной породы, насколько это возможно в её рамках, очень разных особей, и спокойного добродушного пса, и нервную кусачую злочину.) Есть волонтёры, помогающие выхаживать больных в инфекционных больницах, и известен праведник, который не покинул

своих воспитанников перед входом в газовую камеру. Наоборот, немало тех, кто превратил свой древний охотничий инстинкт в тягу убивать. Причём убиваются не только существа иных видов (это называется рыболовством, животноводством, охотоводством или просто охотой), но некоторые, в отличие от животных, склонны, вопреки инстинкту жизни, убивать существа и своего вида – людей, ещё и мучить их перед этим. Известны народности, которые практиковали пищевой канибализм до совсем недавнего времени, пока этому не помешали колониалисты.

Развиваясь веками, культура к каждому периоду жизни народа формируется в нечто определённое, влияющее на поведение людей. Оно, в свою очередь, создаёт новый опыт жизни в обществе и обновление культуры под влиянием этого обновлённого опыта. А впечатления от явлений современной культуры входят составной частью в жизненный опыт. Иначе говоря, культура и непосредственный опыт жизни находятся во взаимосвязи. Оба эти явления определяют поведение людей, и какое из них сильнее – вопрос сложный и, возможно, праздный. И ещё одна сторона взаимодействия: для каждого важен не только собственный опыт, но и тот, который пришёл к нему от предыдущих поколений: от старших, затем им от их старших и т.д.

Итак, не перекрывается ли влияние культуры конкретным опытом жизни? Хотя опыт, уклад общества, его характер есть плод культуры, непосредственное влияние на поступки имеет именно этот плод, в свою очередь изменяющий культуру.

В связи с тем, как бесчеловечно воюет армия России, слышны упрёки российской культуре и, совсем конкретно и узко, современным деятелям искусства и литературы. Мол, российский народ ими недокументирован, и вот из-за этого большинство населения страны поддерживает эту беспричинную, безответственную, ужасную войну. Слышны и деятели, которые искренне сожалеют, что они слабо работали, недовоспитали народ. В этом смысле очень прочувствованно высказался вполне успешный кинопродюсер А-р Роднянский (см. в следующей главе).

Однако против этих претензий и самобичеваний можно привести немало доводов. Они касаются и сложности неоднозначной культуры России, и преувеличения роли искусства в культуре народа, и малого вклада каждого из его поколений и деятелей этих поколений в копил-

ку культуры народа, и, наконец, спорности прямого влияния культуры на мнения и поступки людей.

Если и есть действительно провозглашаемые 70-80% поддерживающих войну, то это значит, есть и остальные хотя бы 10-20%, которые не поддерживают, а это немало – 10-20 млн. взрослых людей России. Среди них есть и открытые протестанты, и, как известно, многие из них уже шрафовались и арестовывались. Власть вовсе не зря отлавливает размашисту. Она боится этих недовольных, так как понимает, что они-то и есть наиболее образованная, информированная и активная часть общества, и именно эта часть определит его будущее, и оно будет не таким, как хочется власти. Среди 70-80%, конечно, тоже есть убеждённые в правоте милитаристски агрессивной власти и притом активные, но подавляющее большинство, кормясь от власти и опасаясь её жестокости, просто, как всегда, поддакивает ей в соответствии с тотальной пропагандой и предпочитает комформистски полагать, что иной точки зрения, чем уластной пропаганды, не существует.

Две культуры

Культура вовсе не исчерпывается искусством, она – гораздо более широкое понятие. Согласно одному определению, на мой взгляд удачному, культура есть «сочетание людских знаний, убеждений и норм поведения, которые мы перенимаем, а затем передаем будущим поколениям». В этом определении не подчёркнуто, что передача осуществляется в скорректированном виде и что вместо норм поведения или рядом с ними вполне уместно упомянуть мораль. Еще: культура «регулирует разные сферы взаимодействия людей – от повседневного общения до функционирования глобальной экономики». В этом свете, возлагать ответственность за падение культуры на деятеля, скажем, кино – явный перебор.

Говоря о культуре, приходится, как это ни неприятно, всё-таки уточнить, о какой культуре идёт речь, потому что в России, как и в других странах, разные группы людей существуют в разных культурах, каждый принадлежит, не полностью, но в основном, к той или другой из них. В рамках рассматриваемой проблемы сведём дело к простейшему – всего к двум культурам.

Первая из них включает в себя память о значительных и нередко трагических событиях и явлениях в жизни землян и, особенно, своего

народа, о замечательных его людях. Довольно длинный их перечень, составленный без претензии на научность отбора, помещён как приложение в конце данной главы. Современники, вместившие в своё сознание не только впечатления о своей местности, своей семье, своей собственной жизни в обществе, но и хотя бы приблизительно то, что включено в перечень, – как раз те самые всегда недовольные 10-20%.

Другая культура является продуктом рабства и безграмотности подавляющего большинства населения в царский период, потом – продуктом официального советского образования, политизированного до убогости, а в постсоветское время – продуктом почти столь же убогого образования и официальной пропаганды, представляющих всегда бедную (по европейским меркам) жизнь народа как славный путь от прошлых побед к современному и будущему величию. Прямая пропаганда перемежается в телевизоре развлекухой, в которой окружающий зрителя мир, в отличие от презренных супостатов, выглядит прелестно и увлекательно. Цель развлекухи увести зрителя от мыслей о неблагополучии, его собственном и его окружения, от подозрения о возможной лживости пропаганды.

В народ веками внедрялись по форме разные, но, по существу, сходные мобилизующие понятия. В царское время: «святая Русь» и русская духовность (в чём выражались эти святость и духовность?), Россия – «третий Рим» (а Римом назывался только один Рим, даже второго не было). Основные скрепы XIX века – «православие, самодержавие, народность» и защита угнетаемых славян и православных в округе страны. В советское время: спасение угнетаемых трудящихся путём внедрения социализма и коммунизма во всём мире. В постсоветской России: «русский мир» и защита русских, угнетаемых среди иностранцев опять же во всём мире. Упомянутые 70-80%, имея смутные понятия об истории России и тем более окружающего мира, об её и его современном состоянии, переживают тем не менее за этот «русский мир».

Если спросить довольного, что он знает из первой культуры, или, конкретнее, попросить его прочитать стих Пушкина, Некрасова или Пастернака, Ахматовой, вспомнить какую-то из коллизий романа Толстого «Воскресение» или Шолохова «Тихий Дон», рассказать хоть что-то о войнах с Японией, то, полагаю, ответное недоумение окажется, к сожалению, повальным. С другой стороны, недовольный не по-

нимает, чем ценен эталон жестокости Сталин, а он, между тем, величается второй культурой по крайней мере успешным менеджером. Эти две культуры переплетаются слабо. Поэтому говорить о влиянии культуры вообще, о её вине в тяжёлом облике народа – бессмысленно.

Попутно. Вас. Шукшин в книге «Беседы при ясной луне», изд. Советская Россия», М., 1974 опубликовал десятка четырёх выразительных рассказов о деревенских людях. Он, прекрасно зная эту среду, сочувствует своим очень разным персонажам, большинство которых, если не жульничают, едва сводят концы с концами. Особенno сочувствует обидчивым правдоискателям: они легкомысленно попадают в унизительные переделки и принуждены смириться. Конечно, кругозор этих людей ограничен заработком, отношениями с женой (обычно – подчинённое положение), выпивкой, слишком часто неумеренной; многие склонны к фантазиям относительно своей значимости. Их представления никак не выходят за рамки второй культуры. Сегодня Шукшина обозвали бы русофобом.

Социальный итог во второй культуре

Опыт, идущий от прошлого России, виден по вышеупомянутому перечню событий российской истории. Он показывает, наряду с двумя нашествиями – 1812 и 1941 годов, бесконечную череду экспансий России во вне и катастроф. В этом процессе Московское княжество расширилось до Российской многонациональной империи, громадной по площади, слабо заселённой, с редкими и бедными хозяйственными и культурными образованиями (об этом и в связи с этим о необходимости реальной федерализации России – в [Кн. 5], стр. 67-84).

В России всего полтора века назад отменено рабство. В нём и в сопутствующих ему бедности и безграмотности пребывала подавляющая часть населения, и это – в поразительном отличие от приверженного первой культуре образованного дворянства и затем разночинства. Отмена рабства и сопутствующие реформы 1860-х годов привели к судорогам перехода к капитализму под государственным патронажем. В 1917 году произведена национализация, затем коллективизация, и страна перешла к сталинскому полностью централизованному социализму. Через приватизацию 1990-х годов страна вернулась к капитализму, на этот раз с коррупционной зависимостью формально независимых производства и капитала от управляющего чиновничества (приблизительно так, без национализации, был организован гитлеровский социализм, управляемый партийными функционерами).

На всех этапах жизни страны имела и имеет место гиперцентрализация её управления со всевозможными беззаконными притеснениями и жестокостью по отношению к своему народу (см. «Железную дорогу» Некрасова, «Воскресение» Толстого, «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына и т.д.), а также с агрессивностью вовне.

Существует небеспочвенное мнение, что, начиная с 1917 года, средства государственного принуждения, в особенности система госбезопасности – так называемые в своё время «органы», сыграли в российской истории, как никогда ранее, куда более важную роль, чем мораль и законность. Последние подточены громадностью репрессий и военных потерь, а также несколькими волнами вынужденной эмиграции образованной и активной части населения.

В новой России, перенявшей от позднего императорского периода уродливую версию капитализма, возникло наредкость громадное расслоение людей по уровню жизни. Кучка богачей прикорнлена правителями путем раздачи за откаты больших кусков сырьевой экономики и финансового дела, а также доходных управленческих постов. Они обрели дворцы в лучших местах планеты, катаются в шикарных собственных яхтах и самолётах, они обслуживаются, услаждаются и охраняются тучей челяди. Их обучают и развлекают, им советуют многочисленные «интеллектуалы». В это же время две трети населения еле сводят концы с концами, живёт не только в бедности и в нищете, но и в страхе, особенно в малых населённых пунктах, где почти нет даже слабо оплачиваемой работы. Правители держат при себе громадный слой бюрократии и разного рода охранителей, а они держат в притеснениях и беззаконии остальное население (и, кстати, самих себя тоже). Стой вынуждены поддерживать многочисленные работники государственных структур: врачи, учителя, чиновники, учёные и т.д.

Благополучие человека и народа не является целью этого государства.

Усилиями официальной пропаганды, подавляющее большинство бедных людей России не понимает, что проводит жизнь в обстановке нужды и жестокости, не нормальной с точки зрения соседей в Европе. Довольство жизнью диктуется пропагандой о неком особенном пути России, а он непременно основан на полной централизации мудрого и благодетельного управления, будтельно исключающей самоорганиза-

цию людей. Довольству спосабливает неосознанное опасение критически вдуматься в ситуацию. Оно сохраняется тем легче, что густо сдабривается патокой телевизионной развлекухи.

Большинство, от бедняков до правителей, к сожалению, живет во второй культуре, и перетаскивать этих людей в первую культуру крайне трудно; этому препятствует специально выстроенная система образования. Не исключено вдобавок, что смена культур – процесс, для большинства слишком жестокий.

Но, конечно, было бы большим счастьем для страны, если бы её правители были покультурнее.

Итог нравственный

Представление человека второй культуры о своём народе формируется отрывочными сведениями из истории страны, стилизованными пропагандой. Эти представления противостоят неблагоприятным собственным впечатлениям человека о действительной жизни и благодаря этому играют существенную роль в защите его психики. В самых общих чертах система таких представлений выглядит следующим образом. Российский народ страдает от несправедливых соседей, близких и дальних, опасается их, поскольку они стремятся завладеть богатствами страны. (На самом деле за последние пять веков такая цель вряд ли была у кого-либо из соседей, кроме Гитлера, а он в маниакальном стремлении к расширению «жизненного пространства» немцев действительно хотел в интересах немецких колонистов поработить всё чуть ли не до Урала.) Отсюда следует обида на соседей, недоверие и презрение к ним как к бесчеловечным недругам. Следующий уровень защиты – вера в превосходство всего российского: морали, религии, порядков, размера, богатства и могущества страны. Распространено мнение, что в своём величии страна не чужда жертвенности: по своей доброте Россия многих спасает. Последнее время спасает (привентивно!) чаще всего от США (Чехословакия, Афганистан) или от влияния разложившегося Запада. Затем спасла Донбасс от Украины, а её освобождает, очищает от неких фантастических там нацизма и милитаризма.

Естественно, что мотивы опасений и жертвенности оборачиваются нетерпимостью и воинственностью. Характерны лозунговые речения, широко распространённые в 1930-х годах: «кто не с нами, тот

против нас», т.е. несогласный объявляется не оппонентом, не «попутчиком», а прямо врагом, а относительно врага предлагается простейший алгоритм: «если враг не сдаётся, его уничтожают».

Таким образом, в миропонимании людей второй культуры довольно часто собой сочетается со страхом, ущербностью и агрессией. Это сочетание порождало и порождает жестокость. Вспомним сцены дикости и жестокости в «Тарасе Бульбе» Гоголя, в «В овраге» и в «Музыкантах» Чехова, в «Деревне» и в «Окаянных днях» Бунина, в поэме Блока «Двенадцать», в «Тихом Доне» Шолохова. Не забыть, конечно, «Архипелаг ГУЛАГ».

(Любопытны, кстати, две упомянутые Шолоховым подробности относительно добычливости главы семьи Мелеховых: первая – в походе на турок захватил себе в жёны турчанку, вторая – отправился в санях вслед за казацкой армией грабить население захваченного ею района.)

Правители страны, её президент-диктатор отличаются от большинства народа чинами и богатством, но не уровнем культуры, пребывают в рамках такого же миропонимания. Можно ли удивляться тому, что среди них считается вполне естественным гневаться на непослушного соседа, напуститься на него нашествием и сопроводить нашествие бесчинствами.

Надежда

Сейчас, когда уже написан этот текст, больше двух лет разворачивается вторжение войска России в Украину, сопровождаемое жестокостью бомбёжек чем попало городов Украины, бесчинством этого войска по отношению к населению оккупированных территорий. Они, как встарь, отдаются «на поток и разграбление». В результате этого миллионы людей вынуждены бежать подальше от захватчиков, кто на Запад страны, кто в другие страны, кто и на Восток.

Украинцы сражаются. Они остановили продвижение российских войск, отвоевали часть оккупированных территорий, опять испытывают большие трудности. Система управления страной и её армией не только не разрушена, как ожидал российский диктатор, но, на зависть многим, совершенствуется.

Война несёт громадные потери, громадные несчастья для народа Украины. Но народ не сдался, а объединился, самоорганизовался, стал

воевать – самоотверженно, упорно и находчиво, временами удивительно успешно.

Всё это происходит на глазах всего мира и вызвало в нём удивление беспардонностью руководства России и аморальностью её армии, сочувствие к упорно обороняющемуся народу Украины, негодование по отношению к России и, наконец, опасение, что аппетит агрессора не удовлетворится Украиной. Отсюда – потребность помочь людям Украины пережить эту войну и помочь армии Украины обронить страну и выгнать захватчиков со своей территории. По сути, осознана необходимость руками Украины и помощью стран Запада остановить агрессора.

Для народа России эта война – тоже непростое и нелёгкое испытание, испытание, ещё не осознанное им. Не говоря уж о потере, по западным оценкам, более 300 тысяч убитыми и ранеными, он получает убедительный урок того, как сильно его представления о себе и мире не соответствуют действительности. Что народ сумеет вынести из этого урока, – не дано знать: дальнейшее ли озлобление на окружающий мир, который будто бы опять его обидел, или осознание необходимости реформировать свою жизнь, перестроить её на мирный лад стремления к благополучию. Но нужно надеяться на лучшее и стараться приближать его.

Война вызвала возмущение и невиданную солидарность всего мало-мальски цивилизованного мира, громадного большинства людей многих демократических стран. Это не смогли игнорировать их правительства, и постепенно, со скрипом, с опозданием по отношению к развороту военных событий, эти правительства стали действовать. Действовать с оглядкой: как бы не раздражить вспыльчивого российского диктатора и, главное, не слишком навредить своей собственной экономике. Но уже выстроилась и совершенствуется целая система рассчитанного на длительное время беспрецедентного давления на правителей России, на её финансовую, экономическую и технологическую системы, на её наиболее одиозных функционеров.

Уже организована всё более обширная поддержка Украине, поддержка и моральная, и фактическая. Созданы органы совместной с Украиной координации помощи. Эта помощь громадна и продолжает расширяться, она идёт от целого ряда демократических стран, она охватывает громадный спектр проблем – от финансов и обучения

украинских военнослужащих до, последнее время, тяжёлого вооружения.

И чудо начало свершаться. Армии Украины удалось остановить вторжение и даже временами, под Киевом, Харьковом, Херсоном, повернуть фронт вспять. В результате крепнет надежда, что многосторонние усилия Украины и помогающих стран выдавят захватчиков из Украины, приведут народы Украины и России к миру и обеспечат обоим народам возможность спокойного развития – в меру их собственных способностей к этому.

Удастся ли Украине полностью достичь цели своего противостояния – выдавить российские войска с её территории? Сколько для этого потребуется жертв? Как долго продлится война? Нам об этом судить не дано: война – сложнейший процесс взаимодействия громадных и разнородных масс людей, её ход непредсказуем. Но сегодня крепнет уверенность, что у Украины вместе с её помощниками хватит сил добиться успеха.

После войны народ Украины насколько возможно залечит раны и, получив новый опыт, будет жить нормальной европейской жизнью, но с оглядкой на опасного соседа.

А народу России придётся разбираться с целым рядом серьёзнейших проблем, которые можно, как уже упомянуто, объединить одним понятием – федерализация. Если народ России наберётся мужества продвинуться к федерализации, сохраниться и он сам, и страна; затем, верю, постепенно придёт благополучие.

Приложение: прошлое как элемент культуры

События в России, наиболее знаменательные для российского сознания:

- Независимые княжества Киевской Руси, получение письменности и православного варианта христианства от Византийской империи, князь Игорь, княжества восточной Руси под властью Орды, города-республики Псков и Новгород, Александр Невский.
- Иван III, завоевание республик Пскова и Новгорода, независимость от Орды, расширение Великого княжества Московского и преобразование его в централизованное государство, ямская почта, Иван IV, завоевание Казани, опричнина, Лжедмитрий и Смутное время, ополчение Минина и Пожарского, Никон и церковный рас-

кол, протопоп Аввакум, присоединение Украины, Ермак и завоевание Сибири, восстание Разина.

- Петр I, усиление европеизации, оформление империи, государственная церковь, Екатерина II, восстание Пугачёва, участие в разделе Польши, французское нашествие и Бородино, декабристы, усмирение российской Польши.
- Оборона и сдача Севастополя, Александр II, отмена крепостного права и рывок к капитализму, усмирение российской Польши, захватование Кавказа, Средней Азии, Шипка.
- Война с Японией, 9 января 1905 и попытка революции, 1-ая мировая война, падение самодержавия, гражданская война, социализм, ликвидация безграмотности, голод начала 1920-х, коллективизация, голод начала 1930-х, диктатура Сталина, террор 1930-х годов, Испания, пакт 1939 года, 2-ая мировая война, Сталинград, послевоенный террор, оттепель, усмирение Будапешта и Праги, война в Афганистане.
- Горбачев, ликвидация однопартийной системы, распад СССР, войны в Чечне, переход России от социализма к полугосударственному капитализму, диктатура Путина, война с Украиной.
- В течение XX века – гибель в войнах и репрессиях нескольких десятков миллионов людей и несколько волн эмиграции из страны людей наиболее активных и, в большинстве, образованных.

Самые значимые в российском сознании общественные деятели и создатели литературы, искусства, науки:

- Рублёв, Карамзин, Пушкин, Некрасов, Толстой, Чехов, Репин.
- Циолковский, Вернадский, Павлов, Мечников, Менделеев.
- Станиславский, Мейерхольд, Товстоногов, Любимов, Высоцкий, Тарковский.
- Чайковский, Прокофьев, Шостакович.
- Пастернак, Шолохов, Солженицын.
- Витте, Столыпин, Сахаров...

Глава 2

Кино как элемент культуры. Внутренняя свобода

Совестливость кинодеятеля

Как уже упомянуто, кинопродюсер Ал-р Роднянский горько сетовал в связи с эксцессами вторжения России в Украину на недостаточность окультуривания народа. В связи с этим стоит напомнить, что киноискусство – далеко не всё искусство, искусство – далеко не вся культура и культура – далеко не всё, что создаёт человеку образ мира. К наличной культуре многое добавляет непосредственный опыт жизни и этот симбиоз диктует поведение и в свою очередь обновляет культуру. И всё же, раз об этом заговорил именно деятель кино, интересно, каково кино, какой образ современников и какой образ мира оно создаёт.

Обратимся к трём, насколько известно, наиболее значительным фильмам из числа созданных под руководством как раз этого продюсера (все три – замечательным режиссёром Анд. Звягинцевым). В этих фильмах вполне достоверные персонажи в достоверной бытовой обстановке России действуют в экстремальных ситуациях символического значения, совершают тяжёлые, жестокие поступки.

Герой фильма «Возвращение» 2003 года, возвратясь из заключения, отправляется вырыть на острове известный ему клад, причём берёт с собой двух своих сыновей-подростков. Во время ссоры с сыновьями он гибнет, и фильм заканчивается замечательно придуманной и снятой сценой: мальчики видят, как удаляется от берега дырявая лод-

ка с телом отца (и с уже вырытой из клада коробкой), и они завороженно смотрят, как лодка погружается в воду.

В фильме «Елена» 2011 года медсестра связалась с богатым больным предпринимателем, становится его женой, убивает его, не желающего дать ей денег, чтобы отмазать её непутёвого внука от армии, и завладевает значительной частью его наследства; в его квартире поселяется её семья, чуждая бывшему хозяину и квартире.

В третьем, более сложном фильме «Левиафан» 2014 года беспардонный глава местной власти, цинично направляемый благообразным служителем церкви, желает построить церковь на видном участке, где обосновался жить автослесарь со своей тихого нрава женой и со своим сыном-подростком. Из Москвы приехал ему помочь друг – юрист; по ходу действия он между делом овладевает его женой. Она прислуживает при застольях друзей, в которых каждое третье слово – бессмысленное матерное. Она убивает себя, а героя фильма, её мужа, обвиняют в убийстве и сажают. Левиафан, т.е. чудовище- власть, побеждает, и на месте спорного дома выстроена церковь. Видимо, чтобы как-то сбалансировать беспросветную чернуху фильма, в его finale показана не связанная с сюжетом символическая сцена: виден тихий круг подростков, собравшихся на развалинах церкви неподалёку, и в их числе сын героя фильма.

Во всех трёх фильмах напоминают о существовании в жизни чего-то светлого лишь глаза подростков, наблюдающих за тонущей лодкой, тихая женщина и кружок подростков на развалинах. В остальном российский мир выглядит безнравственным до дикости и органически жестоким. В этом мире некому сочувствовать. Люди, представленные на экране, крайне примитивны и оттого не интересны.

Такой мир ужасен, для реальной жизни не годен, а фильмы, именно так представляющие жизнь, укрепляют людей во мнении, что жизнь только такова и с её негодностью нужно смириться.

Кино надежды

Не раз приходилось слышать о жестокости прошлой и сегодняшней российской жизни, и против этого нечего возразить тем более, что и сам не слеп. Но в жизни большинства людей, без сомнения, есть и светлые моменты. В произведении искусства или литературы они, пусть наряду с жестокостью, необходимы, иначе не возникает сопе-

реживания, человек остаётся равнодушным и, того хуже, у него создаётся искажённая картина мира, представление о том, что жестокость нормальна. Борьба же дикости с дикостью, как в фильме «Левиафан», будучи, конечно, вполне жизненной, тем не менее не более интересна, чем тоже жизненные петушиные бои. Более того, смотреть два часа на действия, в сущности, нравственных дикарей – отвратительно.

Это хорошо понимали те в Голливуде, кто создал там великие фильмы. Над активностью персонажей и успехом голливудских фильмов любят потешаться, но эти презрительные смешки как бы свысока российской культуры завистливо поверхностны. Ведь эта победительность персонажей отражает динамизм американского народа и подкрепляет его не сдаваться, верить в возможность победы справедливости.

Другой пример: в послевоенной Италии неореализм создал ряд замечательных фильмов о персонажах, действующих в тяжёлых обстоятельствах. Часто эти персонажи были очень обыкновенными людьми, но они не были ничтожествами, они вызывали сочувствие, эти фильмы пробуждали надежду. Таков, например, фильм Феллини «Ночи Кабирии», на протяжении которого героиня замечательной актрисы Джульетты Мадзини переживает тяжёлые драмы любви и предательства, но не сломлена и заканчивает фильм улыбкой надежды.

В России народ иной, но и в ней есть немало людей, имеющих самостоятельные взгляды и вступающих в борьбу с обстоятельствами непродуктивной жизни, за её преобразование к лучшему. Такие люди уже упомянуты среди замечательных в России в приложении к предыдущей главе, а в связи с кино уместно напомнить персонажей фильмов Тарковского «Андрей Рублёв» и «Зеркало». Они побеждают редко, но в итоге, нужно верить, их дело победит или хотя бы зло будет посрамлено. Это хорошо понимали великие греки, ставящие итогом своих трагедий очищение, просветление, катарсис. Важно, чтобы искусство показывало достойную внимания борьбу, пусть и с поражением в итоге. История знает великие вдохновляющие поражения: оборона Масады, Иисус, Коперник, Жанна Д'Арк, Бородино, оборона Севастополя…

Впрочем, пожелание о вдохновляющих на улучшение жизни произведениях можно счесть узким, примитивным. Вдобавок, оно неприятно напоминает о лакировочном требовании социалистического реа-

лизма представлять жизнь идеализированной. Хуже того, произведение об активной общественной жизни может быть признано властью России клеветническим, неприемлемо подрывающим некие устои и скрепы.

О внутренней свободе творца

Главная трудность творца всё-таки не из тех, которые упомянуты выше: он должен быть сам внутренне свободным и, как бы сказать, победительным. А появлению такого рода характера препятствуют и специфика исторически созданной культуры страны, и непосредственный опыт современной приниженности. Характер создаётся жизнью, в которой люди работают в интеллектуальной сфере, будучи почти поголовно и почти полностью опутанными материальной зависимостью от государственных структур. К этому добавляется бдительный контроль поведения интеллектуалов со стороны проправительственной общественности, стукачей и полиции. Интеллектуальная жизнь сопровождается оглядкой на официальные мнения и в условиях непрерывной изнуряющей борьбы с этими мнениями и их внедрятелями.

Интеллектуальная жизнь в России практически всегда подвергалась утеснениям. Вспомним, Н.А. Некрасов и его журнал «Современник» постоянно боролись с цензурой, даже зрелые сочинения Л.Н. Толстого подвергались цензурной правке, не говоря уж об очерках из Севастополя. Тем не менее, условия интеллектуальной жизни людей дореволюционного общества, создавших великие творения литературы, прекрасны по сравнению с послереволюционной жизнью. Возникшая в последнем двадцатилетии прошлого века относительная свобода творчества всё решительнее скуживается с приходом двадцатилетия нашего века. А нападение на Украину выявило, что большинство населения России доведено до такого одичания, что общественная и интеллектуальная жизнь ему не только не нужна, но кажется подозрительной, а то и враждебной.

На трудности интеллектуальной жизни в России можно жаловаться вполне справедливо и много. Но из трудностей не следует, что остаётся только опустить руки.

Во-первых, трудности не вечны: течения жизни не остановить. Российский народ неминуемо осознает нетерпимость созданной им же

драматической действительности и тогда, надо думать, созреет вступить на труднейший путь продуктивного изменения жизни. Тогда-то, меняющаяся жизнь дополнит сегодняшних диссидентов и самоотверженных протестантов, которые подготовили это, множеством разнообразно практических людей с сильными свободными характерами. Эти люди окажутся способными взять верх над приверженцами сегодняшних бандитских порядков и добиться реформирования общества.

Параллельно этому процессу, на его основе появятся внутренне свободные творцы и творческие идеи, и, как подсказывает опыт послевоенной Европы, будут созданы полнокровные произведения, обновляющие культуру России. И в числе первых среди них – кинофильмы.

Во-вторых, несмотря на все утеснения, как показывает прошлое, творческая жизнь и в современной России возможна, возможны достижения искусства и науки, создающие новый гуманный опыт, постепенно облагораживающие культуру страны. Позволю себе напомнить вдохновляющие примеры внутренне свободного творчества из ёщё более тяжелого недавнего прошлого:

- Б.Л. Пастернак итоговым романом «Доктор Живаго» удивительно бесстрашно рассказал о трагическом положении образованных и стремящихся к лучшему людей на широком фоне событий в стране с начала века до 1943 года;
- А.И. Солженицын, который, как он выразился, бодаясь с дубом, тем не менее, создал великого значения произведение «Архипелаг ГУЛАГ», документально и художественно представившее миру злодеяния большевистской власти;
- Ю.П. Любимов сумел создать новаторский театр «Таганка» и чудом проталкивать сквозь цензуру свои замечательные актуальнейшие спектакли;
- один из ведущих актёров этого театра В. Высоцкий, в то же время сочинитель и исполнитель своих драматических песен, говоривших так много о его народе, что они остаются любимы им уже десятки лет после смерти автора;
- наконец, Г.К. Каспаров, немыслимым мужеством и упорством преодолев сопротивление государственной системы, добился признания своего таланта и полного успеха в шахматах; теперь он продолжает бороться с подобной системой на общественном по-

прише.

Пастернак написал важные для его романа «Доктор Живаго» и, надо думать, для него самого слова о Ларе-Ларисе, горестно склонившейся над телом Юрия Живаго (а её возлюбленный Юрий – не только доктор, но и автор значительнейших стихотворений, представленных в романе!). Вот эти слова: «И она ощутила волну гордости и облегчения, как всегда с ней бывало при мысли о Юрии и в недолгие промежутки жизни вблизи него. Веяние свободы и беззаботности, всегда исходившее от него, и сейчас охватило её.» (том 3 собрания сочинений, 1990, стр. 492). Пастернак написал роман, для понимания которого требуется внимание и воображение, поскольку автору удалось «оторваться от понятий, ставшими привычными, забыть навязывающиеся навыки» (из письма Пастернака 1958 года, там же, стр.681), т.е. удалось избегнуть того «новояза», который стал нашим языком.

Ещё примеры свободного творчества в несвободном обществах, давнем и на моей памяти, представлены в следующей главе. Речь пойдёт о творчестве Пушкина и о восприятии его разными исследователями и, главным образом, моим братом.

Глава 3

В безвременье приходится творить вопреки ему

Внутрисемейное расследование

Я постепенно разбирал свои книги, чтобы неинтересные или случайно забредшие выкинуть, другие подарить друзьям или библиотекам, а сохранить только немногочисленные книги моей семьи вместе с теми, которые стали моими незаменимыми собеседниками в одинокой старости.

В ходе разборки я опять наткнулся на два особенных для меня сочинения, оставшиеся у меня после гибели в 1959 году моего старшего брата Моисея:

- брошюра Д. Дарского «Маленькие трагедии Пушкина» («Московская художественная печатня», 72 стр., 1915),
- глава «Моцарт и Сальери» (стр. 113-121) из книги М.О. Гершензона «Мудрость Пушкина» («Т-во «Книгоиздательство писателей в Москве»», 1919).

Эти пожелтевшие листы смущали меня потому, что в книге моего брата Иофьев М.И. «Профили искусства» (изд. «Искусство», М., 1965) имеется глава под тем же названием «Маленькие трагедии Пушкина» (стр. 229-276), как и у Д. Дарского. Эта глава содержит текст дипломной работы брата, написанной им в 1950 году в возрасте 25 лет.

Брат, как и его друзья Б.И. Зингерман и В.М. Гаевский, стараниями которых опубликована его единственная и посмертная книга, обучались в московском ГИТИС, они – чуть позже брата. Эти друзья очень различны и темпераментом, и характером творчества, но оба исключительно образованные и проницательные исследователи искусства и его связи с жизнью общества.

Свою дипломную работу брат представил через год после разгрома профессорского состава ГИТИС, учинённого властями в ходе кампании борьбы с некоторыми космополитами и формалистами. Она являлась идеологической частью послевоенной волны нового угнетения населения, чуть было не опомнившегося от ужасов войны и послевоенного неустройства. Эта кампания задела и некоторых самых заметных студентов, в том числе и брата, но относительно него пронесло, хотя, как тогда говорили «лучше попасть под трамвай, чем под кампанию». Обстановку того времени, замечательных людей, творивших в этой обстановке, прекрасно описал В.М. Гаевский («Книга расставаний. Заметки о критиках и спектаклях», Изд. РГГУ, М., 2007).

В предисловии к книге брата Б.И. Зингерман написал многозначительно:

«Его дипломная работа о «маленьких трагедиях» Пушкина, написанная в 1950 году, содержит в себе все дальнейшие мотивы его творчества. Он рассматривает судьбу свободолюбивой и гармоничной личности, лишённой общественного идеала, тщетно стремящуюся избыть свою трагическую опустошённость на путях индивидуализма.»

В.М. Гаевский в своих воспоминаниях о друге («Комната в коридоре», «Театральная жизнь» №6, март 1988) выразился так:

«<...> не школьные побуждения водили его первом, когда он писал свой диплом, совсем не случайно посвящённый маленьким трагедиям Пушкина. Пушкина он знал как профессиональный пушкинист. И не сказал о Пушкине ни единого неуместного слова.» (цитируется по [Кн. 4], стр. 67)

Так вот, тождественность названий вызывала у меня подозрение, что Б.И. Зингерман не знал о существовании работы Д. Дарского и перехвалил покойного друга, а его дипломная работа – на самом деле всего лишь компиляция из старого сочинения. Малодушно избегая убедиться в этом, я годами откладывал чтение текстов Д. Дарского и М.О. Гершензона. В теперешнем же моём возрасте дальше откладывать на потом уже невозможно, и я взялся прочитать и сравнить.

Прежде всего нужно сказать, что оба старых сочинения мне были интересны, а первое из них ещё и выражениями и фразами, теперь уже несколько диковинными. Затем обнаружилось, что в брошюре Д. Дарского некоторые листы остались неразрезанными, а это говорит о том, что брат был не слишком заинтересован текстом. Но главное, конечно,

– сущность работ, и я позволю себе её кратко и упрощенно воспроизвести.

Главный интерес Д. Дарского – глубина психологии пушкинских героев. Их он прослеживает от «Кавказского пленника» до Онегина и персонажей маленьких трагедий. Автор несколько раз характеризует их как индивидуалистов. Он обнаруживает близость некоторых их фантазий и поступков тому, что впоследствии изобразил Ф.М. Достоевский.

Особенность этюда М.О. Гершензона в том, что Сальери он видит защитником, говоря современным языком, корпорации музыкантов-профессионалов от хотя и гения, но «гуляки праздного» Моцарта. Именно это он считает главным мотивом убийства, а не, скажем, засвисть.

Важнейшие особенности работы брата, отличающие её от работ предшественников:

- анализ связи творчества Пушкина с окружающей его общественной обстановкой, созданной властью после декабрьского восстания,
- анализ трагизма антиобщественного, в сущности, индивидуализма героев,
- осмысление четырёх трагедий в их смысловом и художественном единстве.

В результате импровизированного расследования я с облегчением убедился, что дипломная работа брата, опубликованная в качестве главы в его посмертной книге, и по мыслям и, конечно, по тексту совершенно оригинальна и, более того, заслуживает внимательного прочтения. Оказалось, к тому же, что мои соображения из главы 2озвучны тому, что волновало брата 70 лет назад: обстоятельства российской жизни, насколько можно понять, сходны, а я – брат моего брата, и его работу о Пушкине читал многоократно.

Результат сегодняшнего чтения предлагаю ниже.

Читая мысли о создании Пушкина

Не решаясь пересказывать работу брата, я выписал несколько цитат из неё, относящихся к теме творчества в условиях безвременья. Их я представляю читателю с нескрываемым удовольствием.

«Время николаевской реакции было тем временем, когда оскудение общественных интересов сделалось угрожающим.» Следуют соответствующие выдержки из писем Пушкина и далее: «От общественных условий своего времени зависит не только тематика маленьких драм, ими определяется первопричина трагедии героев: в забвении общественных идеалов их трагическая вина.» (стр. 231).

К моменту декабрьского восстания мировоззрение Пушкина сложилось таким образом, что мимо основного греха и основного несчастья своего времени – упадка общественного движения, невиданного развития эгоистических интересов – он равнодушно пройти не мог. <...> Необходимость жить и работать в условиях исключительно тяжелых, творить литературу народа в стране крепостного права делала его положение сложным. Однаково враждебный придворной среде и буржуазии, относительно которой он не питал иллюзий, Пушкин имел основание чувствовать себя одиноким. <...> Сохраняя гуманистический идеал прекрасной и яркой личности, он мыслит человека реально, в его связях с окружающим миром, обществом и государством. <...> Быть народным поэтом значило для Пушкина правдиво говорить о действительности и человеке. Так судьба героев «маленьких трагедий» обусловлена судьбой общества, индивидуальное действие имеет свой общественный смысл и общественный резонанс. В «маленьких трагедиях», размышая о судьбе человека, Пушкин задумывается о судьбе народа.» (стр. 232, 233).

«Смерть Ленского поэт писал, узнав о казни декабристов, от этого, может быть, идет такая личная печаль его рассказа <...>. После 14 декабря Ленские исчезли. <...> Если раньше шла речь об отношении прогрессивной личности и народа, то теперь те же идеи утверждаются относительно людей, чуждых обществу, как герои маленьких драм, но людей неизменно значительных.» (стр. 237, 238).

«В частности, «маленькие трагедии» продолжают основную линию творчества, одновременно они проникнуты отрицанием окружающего омута. Борьбу с ним Пушкин считает обязательной.

<...> Основной положительный герой позднего Пушкина – Петр. Герои «маленьких трагедий» достойны гибели не с точки зрения автора «Барышни-крестьянки», а с точки зрения автора «Полтавы». Написанная в 1828 году, эта поэма имела значение для окончательного выяснения идеи маленьких драм.» (стр. 239).

Приводятся суждения Пушкина о Грибоедове и в связи с ним, в частности:

«способности человека государственного оставались без употребления; талант поэта был не признан; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась некоторое время в подозрении... <...> Замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов.»

Автор дополняет Пушкина: «Они не смогли оставить следов и в пушкинской драматургии: пьесу, где прототипами героев были бы люди пушкинского круга, пришлось бы сжечь, как десятую главу «Онегина».

В «маленьких трагедиях» нет таких людей, но существование их в николаевской действительности, их положение в ней давали творческие посылки к размышлению о бароне, Дон Гуане, председателе. Грибоедов и в неблагоприятных условиях не превратился бы в Дон Гуана; осуждая Дон Гуана Пушкин имеет в виду возможность другого – грибоедовского или своего личного – пути.» (стр. 249, 250).

«Подлинных сильных личностей своего времени Пушкин изобразить не мог, да и общественное бездействие их было вынужденным, а у героев маленьких драм оно, как и у светской толпы, субъективно добровольно. <...> Так в «маленьких трагедиях» появились герои прошлых времен и чужих стран. <...> Герой Ренессанса напоминает героя XIX века.» (стр. 251).

Попутно. Пушкинский метод плодотворен: в советское безвремене им шли не раз. В его традиции создавал свои фантастические сатирические пьесы Е.Л. Шварц. Его, воспроизвели, например, Г.И. Горин и М.А. Захаров: в фильме «Тот самый Мюнхгаузен» (1980 г.) они поставили независимо мыслящего и фантастически действующего, но притом реально выглядевшего симпатичного героя в бытовую обстановку, представленную сатирически, но тоже реально.

Фильм нравился всем, но курьёзная подробность: когда однопартийная система рухнула и М.А. Захаров активно выступил за преобразования, бывшие партийцы, не понимая, что он, поставивший этот фильм, никак не может быть сторонником такой системы, брезгливо возненавидели его как мерзкого предателя.

«Отказавшись от современных сложетов, Пушкин тем самым отказался от воссоздания процесса, причинной связи явлений, ограничивших указанием на результаты, – так трагедии стали маленьками. Последняя из них кончается задумчивостью председателя. Пушкину было, что сказать, но он не захотел этого прямо сказать в ма-

леньких драмах. «Болезнь указана», – написал Лермонтов в предисловии к «Герою нашего времени».» (стр. 252).

Об отдельных пьесах

Далее помещены касающиеся данных заметок выписки из главок работы, каждая из которых посвящена одной из четырёх «маленьких трагедий».

О «Скупом рыцаре»,

где барон, собрав в сундуках громадные богатства, бездеятельно наслаждается мыслью о власти, которую даёт это богатство.

«...барон живет в мире, где нет не только общественных идеалов, но даже общественной деятельности. Это мир прихотей, индивидуальных вожделений...» (стр. 254).

«Барон – герой своей эпохи, он делает то, что диктуют ему условия времени. От заурядных людей он отличается своей настойчивостью и последовательностью. Он мог бы стать полководцем, но в мире золота он сделался скучным. Ему чуждо представление об общественном благе... <...> Человек общественный, хотя бы и властолюбивый, конечно, добивался бы реальной власти. Видения барона похожи на миражи. <...> Свое ничтожество барон не осознает, он упоен своим могуществом. С «когтистым зверем» – совестью – он справился, о преступлениях он говорит как о подвиге.» (стр. 255).

«В итоге деятельности барона не только его собственная трагедия, его личная гибель, но и кровь, слезы, страдания других людей; индивидуализм вызывает общественные бедствия. С недоумением и ужасом герцог произносит: «Боже! Ужасный век, ужасные сердца!» <...> Государственная власть в этой трагедии – власть справедливая и законная, следовательно, власть, облечённая доверием общества. Но власть ещё должна быть деятельной. Герцог растерял своих рыцарей. <...> Герцог ужасается не семейной драме, в ней он справедливо видит возможность крушения своего государства.» (стр. 256, 257).

О «Моцарте и Сальери»,

где «Сальери мучает жажда смерти», и он из зависти «...отравил Моцарта, но с той же лёгкостью мог бы отравить себя.» (стр. 257).

«Последнее произведение Моцарта называется «Реквием». Это не только биографическая подробность жизни Моцарта, не только черта его таланта, эта музыка рассказывает о судьбе гения, а судьба гения неотделима от судьбы народной.» (стр. 259).

«Сальери представляет общество, в котором искусство утеряло свою благородную силу. Это общество неэстетично, потому что аморально. Мелодии Моцарта таким, как Сальери, не нужны. Музы отвернулись от Сальери, но и Моцарта они не умели спасти.» (стр. 260).

О «Каменном госте»

написано особенно вдохновенно: тема любви и любовных отношений интересовала автора как никакая другая. Но тема этого его текста – другая.

«Дон Гуан, так же как барон и Сальери, поклоняется одному богу, не признавая иных богов, даже не зная об их существовании. Пушкин считал такой фанатизм неправомерным и губительным. В «Каменном госте» он утверждает это более настойчиво, чем в других маленьких трагедиях. Герой не имеет за собой никакой вины... <...> Приговор, произнесенный барону и Сальери, как будто более обоснован и более справедлив. <...>

Возмездие отличается от наказания. Трагическая вина не всегда житейская виновность. Пушкин борется не с пороками склонности или зависти, вопрос, которым он занят в «маленьких трагедиях», поставлен шире – это вопрос о месте личности в обществе. Он решается во всех четырех драмах, но законченное решение дают только все четыре, понятые в их единстве. <...> склонность и зависть отчасти затемняют основной порок барона и Сальери – их индивидуализм. Зависть и склонность – следствия индивидуализма, но они могут закрыть собой причину. Дон Гуан только индивидуалист, и этого достаточно для его гибели.» (стр. 261).

О «Пире во время чумы»,

где «действительность настолько ужасна, что бороться с ней кажется невозможным. Человек стоит лицом к лицу со смертью». (стр. 268).

Герои пьесы «ужасам чумы <...> противопоставляют веселье пира. Трагичность пира не в том, что он кощунственный, а в том,

что он невесёлый. <...> Пирующие ищут опьянения <...> И горькая насмешка – забвения они не находят.» (стр. 268).

«Но председатель, в конце концов, стремится не к забытью, а к победе. Он воспевает опасность, в борьбе с ней он думает обрести свободу и бессмертие. <...> Торжественный гимн славит прекрасный подвиг одинокого человека.

Занавес закрывает председателя, погруженного в глубокую задумчивость. Он не смирился <...>, но он почувствовал бесцельность и безвыходность предложенного им пути.» (стр. 269).

«Силой своей и отсутствием эгоистических интересов председатель <...> неизмеримо благороднее и значительней барона, Сальери, даже Дон Гуана.» (стр. 269).

Брат обратил внимание на тот выход из гипноза чумного кошмара, который, по его мнению, следует из стихотворения Пушкина «Герой», написанного одновременно с «Пиром во время чумы». Общаюсь с чумными солдатами, Наполеон «хладно руку жмёт чуме / и в погибающем уме / рождает бодрость». «*Наполеон пушкинского стихотворения преодолевает страх смерти благодаря более сильному чувству – чувству единения с другими людьми.*» (стр. 270).

В наше время, добавлю, когда волна за волной нас накрывала эпидемия, многими медицинскими работниками и просто волонтёрами проявлена великая самоотверженность. Очень многих людей они спасли, многим хотя бы облегчили смерть, но и сами спасатели погибали. А в связи с упомянутым стихотворением Пушкина вспоминаю, как по-разному общались два президента со своими ранеными на войне в Украине, посещая их в госпиталях под телевизионную съемку.

Заключение

«Маленькие трагедии», созданные Пушкиным в Болдино в 1830 году, оказались, с точки зрения брата, вовсе не устаревшими через 120 лет, а настолько вновь важными, важными для времени одичанья, что побудили его погрузиться в них и создать, вместо скромной ученической работы, тщательно выстроенное аналитическое сочинение. Размышления на эти темы, как ни покажется странным, актуальны и ещё через 70 лет, сегодня. Впрочем, пока будет существовать внеобщественный индивидуализм безвременъя, а он вряд ли вовсе исчезнет, его художественное осмысление Пушкиным в «Маленьких трагедиях»

будет востребованным. Востребована будет и интерпретация этого цикла пьес применительно к современности.

Выдержками из работы брата, надеюсь, удалось представить два примера очень разного по значимости творчества в обстановке безвременья. Первый пример – великое художественное высказывание Пушкина в своих четырёх маленьких трагедиях о пороке своего времени – индивидуалистической деятельности значительной личности в условиях отсутствия общественной жизни. Второй пример – выявление этого аспекта творчества Пушкина, анализ этого явления, выполненные студентом в условиях ещё худшего безвременья.

Может возникнуть недоумение: так ли уж были беспросветны те времена, коль скоро эти сочинения были не только написаны, но и, пусть в разной мере, обнародованы.

Представляется, что радикализм пушкинской оценки современности был им прикрыт тем, что их действие отодвинуто от пушкинского времени на один, а то и на несколько веков, в них хотя бы минимально сохранён исторический антураж. Только страсти те же.

Пристальный интерес брата к героям Пушкина, помещённым им в их безвременье, и к самому Пушкину, обратившемуся к ним в его безвременье, был допустим в силу, как я понимаю, следующего:

- критика царского режима и, частности, времени Николая I, которую можно было усмотреть в работе брата, считалась полезной;
- в 1949 году власть заняла страну сразу двумя кампаниями: «борьбой с космополитами» и всенародными торжествами по поводу 150-летия Пушкина; последнее делало обращение к творчеству Пушкина похвальным; правда, его надлежало превозносить исключительно в смысле борьбы с царским режимом и внешне понимаемой народности; сострадать Пушкину, притесняемому Николаем I, было тоже похвально;
- в тексте есть уместные ссылки на Белинского и Герцена, что, конечно, не делало текст таким неуязвимым, как ссылки на вождей, но всё-таки ставило его в приемлемое русло тогдашних условностей; кроме того, в заключительных фразах текста употреблено слово народность, важное для соображений брата о гражданственности, а для пропаганды того времени – просто святое.

Наконец, брат написал всего лишь дипломную работу, которую тогда вряд ли кто-нибудь хотел внимательно смотреть.

Любопытно, что оба предшествующих автора, Д. Дарский и М.О. Гершензон, о гражданственном подтексте маленьких трагедий, важнейшем для брата, не упоминают вовсе. Аналогично поступил известный литератор Ст. Рассадин. В своей книге «Драматург Пушкин», изд. «Искусство», 1977, он изложил массу подробностей и сопоставлений, но гражданственную сторону пушкинских трагедий игнорировал.

Попутно. Ст. Рассадин написал о Пушкине в тоне несколько панибратском, без пиетета по отношению к гению. Возможно, он в этом отношении последовал примеру Анд. Синявского, который за десять лет до него, будучи лагерным заключённым, под псевдонимом Абрам Терц записал свои впечатления о Пушкине ещё отвяжнее. Видимо, свободной ироничностью текста он развлекал себя и компенсировал личную незвободу; и он скромно назвал получившийся текст «Прогулки с Пушкиным».

Не берусь объяснить молчание всех трёх авторов о столь важной теме. То ли эта тема и в царское, и в советское время была слишком рискованной, то ли этих авторов гражданские мотивы просто не интересовали, – не знаю. Знаю только, что брат и затем его друзья-публикаторы считали тему гражданственности в безвремене важнейшей и не боялись заниматься ею в условиях, гораздо худших, чем у тех троих. Они понимали, что мысли «умнейшего мужа России», как назвала Пушкина в 1931 году Марина Цветаева, и форма их скрытого выражения в виде цикла маленьких трагедий из прошлых веков достойны самого почтительного внимания.

Хотя безвремене делает активную интеллектуальную жизнь трудной, временами даже крайне опасной, гражданственность творчества, как видно, не невозможна. Для этого требуется выработать в себе внутреннюю свободу, способность «во времена немыслимого бытия» (Б. Пастернак) отвлечься от порой катастрофических подробностей жизни и сосредоточиться на главных её особенностях и тенденциях. Насколько это трудно, настолько же редко удается. Но удается! И к примерам удачи важно обращаться вновь и вновь.